

HISTORIA
ROSSICA

Sören Urbansky

Beyond the Steppe Frontier

A HISTORY OF
THE SINO-RUSSIAN
BORDER

Princeton
University Press

2020

Сёрен Урбански

За степным фронтиром

ИСТОРИЯ
РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ
ГРАНИЦЫ

Новое
Литературное
Обозрение

2023

УДК 341.222(57+510)(091)«16/19»

ББК 63.3(2)-64

У69

Редакционная коллегия серии

HISTORIA ROSSICA

*С. Абашин, Е. Анисимов, О. Будницкий, А. Зорин, А. Каменский,
Б. Колоницкий, А. Миллер, Е. Правилова, Ю. Слёзкин, Р. Уортман*

Редактор серии *И. Мартынюк*

Урбански, С.

У69 За степным фронтиром: история российско-китайской границы /
Сёрен Урбански; авториз. пер. с англ. М. Закировой. — М.: Новое
литературное обозрение, 2023. — 480 с.: ил. (Серия Historia Rossica)

ISBN 978-5-4448-1920-3

Российско-китайская граница — одна из самых протяженных сухопутных границ в мире, однако в современной историографии ей уделяется незаслуженно мало внимания. Пытаясь восполнить этот пробел, Сёрен Урбански в своей книге рассматривает формирование и изменение контуров границы в длительной хронологической перспективе, начиная с XVII столетия — времени существования фронтальной территории без четко установленного размежевания — и заканчивая XX веком, когда линия границы обрела геополитическое значение и превратилась в плотно патрулируемый барьер. Повествуя о повседневной жизни общин на российско-китайском пограничье, автор демонстрирует, как государствам удалось навязать контроль над родственными, культурными, экономическими и религиозными связями по обе стороны границы посредством законодательных мер, депортаций, принудительной ассимиляции и пропаганды. Сёрен Урбански — историк, научный сотрудник Германского исторического института в Вашингтоне и директор его филиала в Калифорнийском университете в Беркли.

УДК 341.222(57+510)(091)«16/19»

ББК 63.3(2)-64

В оформлении обложки использована фотография из буклета «Долой новых царей! Антикитайские злодеяния советского ревизионизма на реках Хэйлуцзян и Усулицзян». Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1969.

Copyright © 2020 by Princeton University Press

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording or by any information storage and retrieval system, without permission in writing from the Publisher

© М. Закирова, перевод с английского, 2023

© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2023

© ООО «Новое литературное обозрение», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Благодарности</i>	8
<i>Введение</i>	12
Империи и люди, фронтиры и пограничья	16
Аргунский бассейн	25
<i>Глава 1. Казаки и знаменные на аргунском фронтире</i>	37
Начало российско-китайских отношений: установление баланса сил	40
Колонизация фронта: тунгусы, буряты, солоны и русские на Аргуни	48
Казаки и знаменные: домодерные формы контроля фронта	56
Поворот России на восток: фронтальный обмен и опасности обширной государственной границы	61
Хайлар и Абагайтуй: два очень разных степных фронтальных поселения	69
<i>Глава 2. Железные дороги, инфекции и золото</i>	76
Освоение имперского пространства: строительство железной дороги	79
Фронтальный дух: рождение поселка железнодорожников	85
Заблудившиеся в степи инспекторы: проблемы пограничного контроля	95
Незаконная торговля: короткие и длинные межграничные сети	104
Локальные и глобальные товары: алкоголь и золото	107
Туда, где трава зеленее: межграничное казачье земледелие	116
«Новая политика» цинского государства	122
Мечта Сун Сяоляня о китайском Хулун-Буире: перемещение крестьян в степь	130
Закрепление границы: Цицикарский протокол	134
Эпидемии и государственные границы: иллюзорность российского пограничного карантина	142
Чума 1910 года: сурки, прибыль, болезни	144
После апокалипсиса: к новому пограничному карантину	150

<i>Глава 3. Революции без границ</i>	155
Зарождающийся бурятский национализм: противоречивые мнения об имперской судьбе России	157
Имперская марионетка в резерве: карьера мятежника Тохтогу	162
Когда заговорит субалтерн: революция 1911 года и восстание в Хулун-Буире	171
Зависимая независимость: Хулун-Буир с 1912 по 1915 год	179
Угасание стремления к независимости: статус Хулун-Буира после 1915 года	184
«Дикость нравов»: темная сторона станции Маньчжурия	187
Голоса куплены, налоги не уплачены: определение и оспаривание границ в городе	191
Тяжелые времена: Маньчжурия во время Революции и Гражданской войны	197
<i>Глава 4. Советское государство на границе</i>	206
Осиное гнездо: красные и белые в городе	209
Под советским контролем: постепенное прекращение локального пограничного движения	214
Тернистый путь контрабандистов: Аркадий Адольфович Янечек и Шин Фонбин	222
Вечный бег Тайбога Нимаева: эмиграция бурят Агинской степи	228
Красные юрты в степи: коллективизация сельских жителей пограничья	237
Сельская жизнь в эмиграции: русская диаспора в Трехречье	241
<i>Глава 5. Открытая степь на замке</i>	249
Советско-китайский конфликт: война на границе	252
«Трагедия Трехречья»: советские карательные экспедиции в китайское пограничье	258
Новые соседи: оккупация Маньчжурии Японией	264
Два очень разных приграничных поселения: Маньчжурия и Отпор	267
Заборы из колючей проволоки: милитаризация границы	272
Ограничивая доступ: установление пограничных зон	278
Шпиономания: война разведок и чистка на границе	282
Где подчиненные правят: японцы и монголы в Хулун-Буире	291
В двух словах о старой России: казацкие эмигранты под управлением Маньчжоу-го	299
Халхин-Гол и не только: кровопролития при обсуждении границы	306
«Граница на замке»: ритуальные подтверждения границы	312

<i>Глава 6. Игра в дружбу у забора с колючей проволокой</i>	322
Новый поселок на границе: основание Забайкальска	326
Возвращение железнодорожного движения: создание нового транспортного центра	331
Неродные братья: конструирование дружбы в пограничье	337
Баскетбольная дипломатия: как лучшие друзья пересекали границу	340
Когда никто более не смеет говорить по-русски: китаизация Хулун-Буира	349
<i>Глава 7. Незримый враг за замерзшей рекой</i>	357
Контрольно-следовые полосы в голой степи: новые техники пограничного контроля	361
Охотники, влюбленные, дезертиры: переход закрытой границы	365
«Грбовые надбавки»: демография Приаргунья	372
Транзитом: станция Забайкальск как витрина Советского Союза	380
Дипломатия сцепщиков: пограничное население как агент дипломатических обменов	388
Пропагандистская война в пограничье: возрождение полузабытого героя	393
Граница из матового стекла: исчезающий «чужой»	398
Война за радиоволны: как радиопрограммы нарушали границы	401
Другие каналы: непосредственная пропагандистская работа среди жителей пограничья	405
<i>Глава 8. Арбузы и брошенные сторожевые башни</i>	410
Завершение вражды: пропагандистский фильм на полке	411
Сближение сверху: восстановление контактов в пограничье	413
Снятие барьеров: расширение межграничных каналов взаимодействия	422
«На вагоны!»: падение режима пограничного контроля	426
<i>Заключение</i>	433
<i>Библиография</i>	448
<i>Указатель имен</i>	474

БЛАГОДАРНОСТИ

Детские воспоминания о жизни у железного занавеса разожгли мой интерес к этой теме. Продолжительная железнодорожная поездка из Берлина в Пекин в 2002 году раскрыла мои глаза. Выйдя из поезда для перехода границы в Китай на последней станции на российской территории в Забайкальске, я понял — именно этот пыльный городок станет предметом моего исследования. Таким образом, эта книга стала проектом, на развитие и завершение которого потребовалось много лет. В ходе работы над ней я получил огромную поддержку и множество советов.

Я глубоко признателен двум моим научным руководителям. Наставничество и поддержка Юргена Остерхаммеля в Констанцском университете были бесценны и расширили мой кругозор, позволив взглянуть за пределы евразийских горизонтов. Карл Шлёгель, мой учитель и источник вдохновения со студенческих лет, проведенных во Франкфурте на польской границе, научил меня всегда сохранять любопытство и думать о том, как детали сплетаются в общую картину. Я очень благодарен четырем другим ученым, которые обеспечили меня дельными советами, мотивацией и нескончаемой личной поддержкой. Сабине Дабрингхаус на ранней стадии проекта предложила мне прочесть лекции по китайской истории в университете Фрайбурга, предоставив при этом возможность работы как в поле, так и в библиотеке. Франк Грюнер навел меня на многие мысли, изложенные в этой книге. Я непомерно обязан нашему Харбинскому кружку в Гейдельбергском университете. Пригласив меня преподавать российскую историю в Мюнхенском университете им. Людвига и Максимилиана, Андреас Реннер дал мне возможность обратиться к моим славянским корням и продумать

план дальнейшей работы. Кэролайн Хамфри поделилась глубоким знанием региона и антропологической перспективой, позволив мне завершить проект и превратить его в книгу в Кембриджском университете.

Я чрезвычайно признателен Михелю Абессеру, Лизе Фурхтготт, Эшли Гоник, Вилларду Сандерленду, моему брату Генрику, а также анонимным рецензентам за внимательное чтение рукописи на разных стадиях ее развития, за комментарии и советы. Также я хочу поблагодарить друзей, коллег и исследователей, которые поделились своими ценными мыслями, дали советы или оказали другую поддержку: Феликса Акерманна, Надин Амслер, Йорга Баберовски, Ольгу Михайловну Бакич, Франка Бийе, Себастьяна Конрада, Виктора Иннокентьевича Дятлова, Элизабет Энгель, Викторию Фреде, Арунаба Гоша, Йорна Гаппела, Сусанну Холер, Микко Хуотари, Акихиро Ивасита, Яна Янсена, Роберта Киндлера, Томаса Лахузена, Дэвида Лазара, Хайнса-Дитриха Лёве, Лоренца Люти, Зильке Мартини, Норихиро Наганава, Юлию Обертрайс, Сергея Радченко, Анну Клару Шендерлеин, Вана Шо, Мирьям Шпрау, Ричарда Ветцела, Давида Вулфа и Росса Йелси. Исследовательскую работу для этой книги я провел в трех дюжинах архивов и библиотек в семи странах мира, сотрудники этих учреждений значительно упростили мою задачу. Я хочу сердечно поблагодарить также моих коллег и друзей в Китае и России за то, что они делились со мной информацией, своим уникальным видением явлений, знакомствами и временем, всем тем, что сделало мою полевую работу не только интересной, но и приятной. Отдельно я хотел бы поблагодарить Елену Евлампиевну Аурилене, Наталью Анатольевну Беляеву, Чэна Кайгэ, Владимира Григорьевича Дацышена, Евгения Викторовича Дроботушенко, Андрея Владимировича Доронина, Татьяну Павловну Филобок, Александра Владимировича Фролова, Хуанга Дингтияна, Любовь Алексеевну Кувардину, Александра Георгиевича Ларина, Виктора Лаврентьевича Ларина, Ли Телиня, Александра Владимировича Попенко, Шэня Чжихуа, Ивана Валерьевича Ставрова, Су Фэнлиня, Александра Петровича Тарасова, Анатолия Владимировича Таухелова, У Теина, Сюя Чжансиня, Ян Чена, Ольгу Владимировну Залесскую и Игоря Газиевича Балашова — забайкальца, перешедшего со мной

приграничное минное поле, которое было обезврежено за несколько лет до этого.

Мне посчастливилось представить свою работу на лекциях, семинарах и конференциях в Гейдельберге, Фрайбурге, Владивостоке, Харбине, Билефельде, Стокгольме, Мюнхене, Калькутте, Марбурге, Лейпциге, Тюбингене, Саппоро, Бремене, Пекине, Базеле, Вашингтоне, Берлине, Новом Орлеане, Констанце, Кембридже, Вильнюсе, Гамбурге, Франкфурте-на-Одере, Сеуле, Нью-Хейвене, Шанхае, Красноярске и Оксфорде, а также в купе поезда Транссибирской железной дороги где-то недалеко от станции Ерофей Павлович. Эти обсуждения в значительной мере поспособствовали развитию моих идей. Безусловно, я один несу ответственность за все неточности, оставленные на этих страницах.

Работа над этой книгой была поддержана Немецким фондом академических стипендий, Немецкой службой академического обмена, Германским историческим институтом в Москве, Кластером передовых исследований «Азия и Европа в глобальном контексте» при Гейдельбергском университете, а также Британским советом по экономическим и социальным исследованиям. Я очень благодарен этим институтам за щедрую помощь.

Работать с Бригиттой ван Райнберг, редактором издательства Принстонского университета, было очень приятно. Ее энтузиазм и поддержка сделали эту книгу возможной. Я также хочу поблагодарить Эрика Крэхана, Талию Лиф, Аманду Пири, Карэн Картер и Мерли Гуэрру за их труд по превращению рукописи в книгу и за помощь в ее публикации и Джозефа Дама за его превосходную редакторскую работу. Наконец, я выражаю благодарность Давиду Коксу за карты, Лайле Мак Рори за дизайн обложки, а Максусу Бруннеру и Эмили Веснер за составление индекса.

С первых дней работы над этим проектом я надеялся, что коллеги за пределами пространства «эхо-камеры» англоязычного академического мира смогут ознакомиться с моей работой. Я выражаю свою глубокую признательность всем, кто воплотил эту мечту в жизнь. Моя искренняя благодарность Миле Закировой за прекрасный перевод книги, а также редакторам серии «*Historia Rossica*»: Ирине Ждановой — за изначальный

интерес к рукописи и поддержку, Игорю Мартынюку — за помощь в подготовке перевода книги к печати. Хочу также поблагодарить Марию Каменскую, взявшую на себя труд в части редактирования и составления именного указателя, и всех сотрудников ИД «Новое литературное обозрение», причастных к появлению моей книги на русском языке.

Огромную помощь оказала моя семья. Родители Вольфганг и Соня всегда гордились мной и моей работой, несмотря на то что ее предмет находится в незнакомом для них далеком крае. Также хочу поблагодарить моих тестя и тещу, Хайляна и Куйкся, за то, что приняли меня как родного. Самую глубокую признательность я выражаю своей жене Цзинжу, которая родилась недалеко от изучаемых мной территорий. Сама того не подозревая, она сыграла центральную роль в создании этой книги. Двое наших замечательных детей, Алма и Голо, родившиеся за это время, принесли нам невиданное счастье. Без них и их матери все оказалось бы ничем.

ВВЕДЕНИЕ

Многие реки, даже маркируя границы государств, скорее объединяют, а не разделяют. Долгое время Аргунь, река, обозначающая границу между Россией и Китаем, не была исключением. Еще и в XX веке кочевники пересекали эту реку, уводя свой скот на летние и зимние пастбища в холмистую степь. Река обеспечивала и оседлое население обоих берегов, независимо от его национальной принадлежности. Так, казаки, проживающие вдоль Аргуни, охотились на китайской территории, у монголов арендовали землю для заготовки сена и вели обмен с мелкими торговцами из Китая. Китайские переселенцы из провинций южнее Великой стены промышляли охотой и добычей золота на обоих берегах реки. Многие из них хорошо говорили по-русски и носили русскую одежду — короткие черные тулупы и ушанки. Некоторые оседали в русских деревнях, принимали православие и женились на русских женщинах. Те, кто не ассимилировался подобным образом, все же взаимодействовал с населением другого берега, общаясь на смеси местных языков и диалектов.

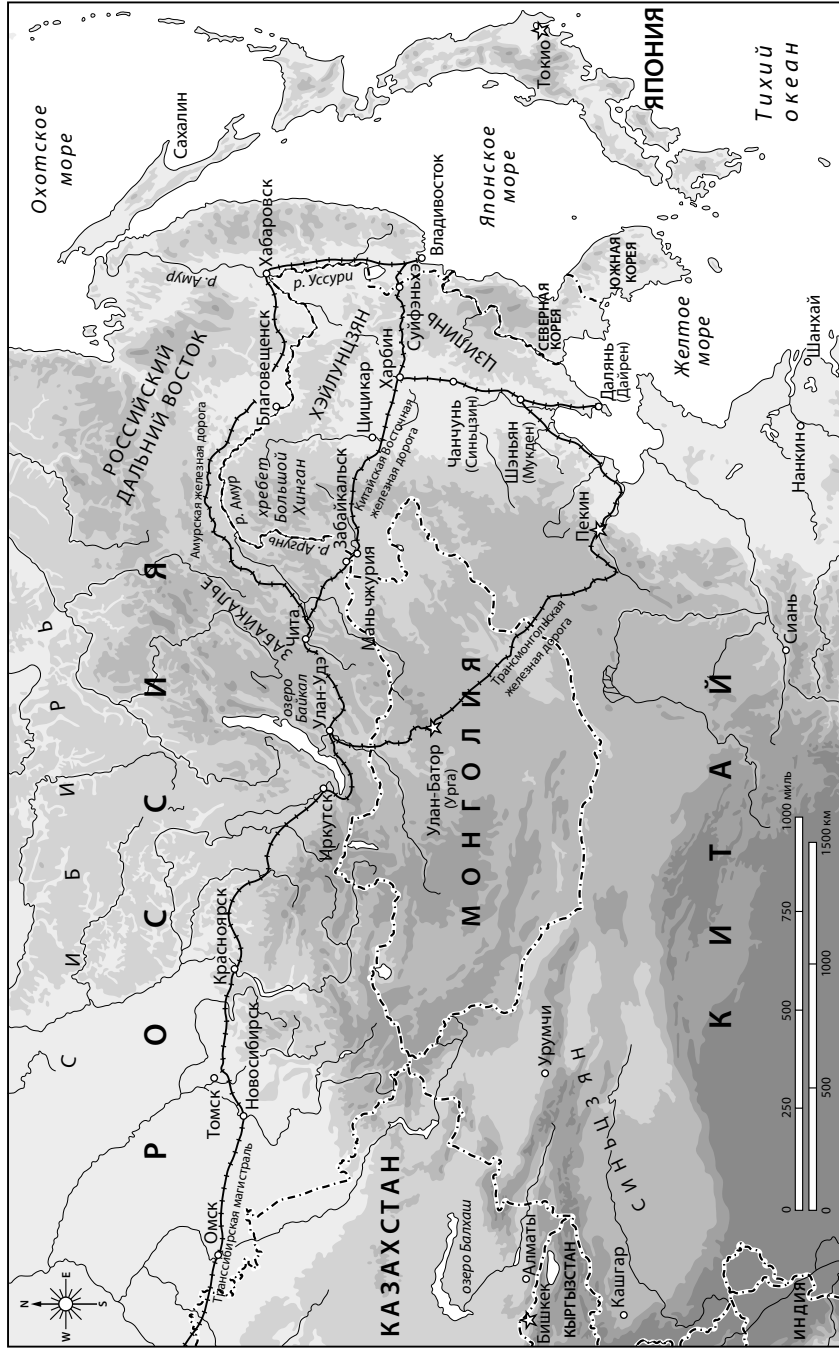
Это пересечение и смешение различных кочевых и оседлых культур, европейской и азиатской цивилизаций вдоль реки Аргуни прекратилось только в конце XIX века, когда граница приобрела геополитическое значение. Имперские интересы России, а затем и Советского Союза в последующие десятилетия столкнулись с интересами цинского (позднее республиканского) Китая и Японии. В дальнейшем эта местность стала ареной для дружбы и вражды двух крупнейших коммунистических левиафанов. Продолжительный процесс установления национальных границ центральными властями привел к дезинтеграции локальных межграницных отношений. Менее чем за век государства посредством законов, насилия, депортаций, перевоспитания

и пропаганды успешно подавили традиционные пограничные культуры, оборвав, таким образом, межграницные родственные и дружеские связи, уничтожив приграничную экономику и положив конец практике межграницного землепользования. Только после распада Советского Союза Китай и Россия вновь приоткрыли общую границу.

Такие изменения характера границы между Китаем и Россией — от проницаемой к закрытой и вновь к проницаемой — противоречат телеологическому представлению о необратимом эволюционном развитии границ от неопределенных зон к жестким демаркационным линиям. Однако в этом случае образ общей функционирующей границы не устарел окончательно. Спустя более четверти века такие артефакты, как заброшенные наблюдательные вышки и ржавые куски колючей проволоки, являются напоминанием о том, что грозная государственная военная сила однажды присутствовала на этих приграничных землях. Сегодня, несмотря на существующие межграницные отношения в области торговли, туризма и всепроникающие сотовые сети, граница не превратилась в явление прошлого. Аргунь разделяет два очень разных региона, расположенных на противоположных берегах, — один в России, другой в Китае. Большинство людей, проживающих на российской стороне, — русские, они говорят на русском языке, живут в советских или традиционных русских домах, смотрят по телевизору программу «Время» и одеваются так же, как в любой другой сельской местности России. Официальные данные относят большинство жителей китайской стороны границы к *ханьцам* — доминирующей этнической группе КНР. Жители правобережья говорят на северокитайском языке (мандаринском), смотрят вечернюю пекинскую новостную программу «Синьвэнь Ляньбо» («Новости») и носят обычную для Китая одежду. Однако помимо фенотипа, языка и культуры существует множество дополнительных границ. Статистические данные о потреблении пищи на этой приграничной территории не доступны. Но можно с уверенностью заключить, что потребление картофеля и риса, скорее всего, будет соответствовать красной линии на карте. Эти современные различия указывают на укорененные структуры, определяющие культуру и язык людей, населяющих пограничье сегодня. Современная

российско-китайская государственная граница совпадает с культурной и лингвистической. Как же произошло то, что эта красная линия так глубоко разделила население, не знавшее границ в прошлом? Как оказалось возможным то, что это разделение проникло практически во все сферы жизни обычного жителя приграничья?

В этой книге описывается изменение российско-китайской границы — преобразование открытого межимперского фронта в разграниченную в современном понимании землю, когда линия государственной границы совпадает с экономическими, политическими, социальными, культурными, этническими и психологическими различиями. Эволюция границы, разделившей две крупнейшие евразийские державы, происходила в ходе противоборства и сделок между различными группами местного приграничного общества, различными политическими силами, стремившимися утвердить свое господство над границей и прилегающими к ней территориями, политическими метрополиями и периферийным приграничным населением. Центральный тезис этой книги заключается в том, что местные жители, так же как и государства, участвовали в создании российско-китайской границы. Оно произошло под воздействием сложного набора последовательных и в то же время взаимоналагающихся и взаимосвязанных государственных политик. Эти проекты были направлены на устранение неопределенности и расширение контроля метрополий над периферией вплоть до самой государственной границы (а часто и за ее пределы). Однако разнообразное местное население сыграло важную роль как в поддержке этих государственных планов по созданию границы, так и в сопротивлении им. Данная работа, таким образом, исследует то, как центральные власти пытались установить контроль над государственной границей, во фронтирной зоне и в пограничье и как местное население стремилось воспрепятствовать этим попыткам, а также то, как сами люди иногда становились агентами государственной власти или ее жертвами. Соединяя историю сверху и историю снизу, эта книга исследует политики, осуществляемые метрополиями, а также демонстрирует гибкость стратегий и практик, реализуемых обычными людьми, столкнувшимися с переделыванием границы.

Карта 1. Внутренняя и Северо-Восточная Азия с сегодняшними международными границами (Cox Cartographic Ltd)

ИМПЕРИИ И ЛЮДИ, ФРОНТИРЫ И ПОГРАНИЧЬЯ

Вопрос о различных способах установления российско-китайской границы на местности остается неизученным. Такое пренебрежение удивляет особенно в свете геополитического значения этой территории, ее важнейшей роли в мировой истории, ее уникальной и радикальной трансформации, а также общего роста академического интереса к границам. Оказываясь в центре внимания исследователей, эта граница анализировалась в рамках общепринятых вертикальных, центристских макроперспектив дипломатической, экономической или военной истории, в которой власть исходит только от метрополии к периферии, а никакие взаимодействия вокруг самой границы не учитываются¹.

Таким образом, эта книга предлагает кардинально новую перспективу: фокусируясь на жизнях людей на обеих сторонах четко определенной местности, она прослеживает формирование и трансформирование этой обширной евразийской сухопутной границы в течение продолжительного времени. Начиная с конца XVII века, когда обе империи впервые попытались демаркировать свой общий фронт, эта работа прослеживает историю границы вплоть до распада Советского Союза

¹ В особенности работа Сары Пейн: *Paine S. C. M. Imperial Rivals: China, Russia, and Their Disputed Frontier*. Armonk; NY: M. E. Sharpe, 1996. Объем литературы по истории Внутренней и Северо-Восточной Азии и по соперничеству империй в этом макрорегионе увеличивается, однако скудное внимание уделяется региональным исследованиям приграничья, и еще меньше исследований сочетают обе перспективы. См.: *Urbansky S. Challenges of Subalternity on the Northeast Asian Frontier // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2018. Vol. 19. № 4. P. 867–876. Недавно опубликованы два труда, ставших заметным исключением из этой общей тенденции. Первый — работа Виктора Зацепина, обширное исследование Северо-Восточной Азии как места столкновения Российской и Китайской империй в эпоху позднего царизма. Однако в его работе жизнь обычных женщин и мужчин на исчезающем фронтире недостаточно изображена. См.: *Zatsepine V. Beyond the Amur: Frontier Encounters between China and Russia, 1850–1930*. Vancouver: University of British Columbia Press, 2017. Другая работа — замечательное исследование Дэвида Брофи, в котором рассматривается процесс нацистроительства внутри мусульманских сообществ в Центральной Азии в конце XIX и начале XX века, включающее транснациональную восходящую перспективу, позволяющую понять смещение лояльностей местного приграничного населения: *Brophy D. Uyghur Nation: Reform and Revolution on the Russia-China Frontier*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2016.

в 1991 году, когда она была наконец вновь открыта. Множество различных режимов перехода границы сменяли друг друга на протяжении этого длительного периода, а в особенности в течение прошлого столетия, и каждый новый поворот оказывал глубочайшее влияние на жителей приграничья. Часто фронт и пограничье живет в соответствии с собственной хронологией. Изменения там происходят раньше или позже, чем в метрополиях, в данном случае — в Китае и России. Данная приграничная территория пережила радикальные изменения: от нечетко демаркированного межимперского фронта со странствующими кочевниками, казаками, смекалистыми контрабандистами и другими высококомобильными людьми, пересекавшими его при помощи барж или на лошадях, к тщательно патрулируемой приграничной полосе, большинство местных жителей которой признали национальный территориальный суверенитет, зная соседей с другого берега только из государственной пропаганды, и это в условиях, когда они физически могли видеть земли по ту сторону границы за степными холмами.

На эту работу повлияла дискуссия о понятиях «фронт» (*frontier*) и «пограничье» (*borderland*)¹. Различия между фронтами и пограничьями все больше детализируются. Однако

¹ Классическими работами по этому вопросу являются труды Фредрика Джексона Тёрнера, см.: *Turner F.J. The Frontier in American History*. 1893. New York: Henry Holt, 1920 [пер.: Тёрнер Ф. Фронт в американской истории. М.: Весь мир, 2009] и его ученика Герберта Юджина Болтона, см.: *Bolton H.E. The Spanish Borderlands: A Chronicle of Old Florida and the Southwest*. New Haven, CT: Yale University Press, 1921. Несмотря на продолжающееся влияние на популярную культуру, смелое эссе Тёрнера подверглось основательной критике в последние десятилетия. Болтон не полностью отрицает философию Тёрнера, новые западные историки избрали ревизионистскую позицию в отношении концепта линии, разделяющей «дикость» и «цивилизацию». Исходя из своей антитёрнеровской интерпретации американского Запада, они предложили историкам новый провокативный подход к пониманию фронта, ставший сейчас общепринятым. См., например: *Limerick P.N. The Legacy of Conquest: The Unbroken Past of the American West*. New York: Norton, 1987. P. 20–23; *White R. Middle Ground: Indians, Empires, and Republics in the Great Lakes Region, 1650–1815*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. ix–vi. P. 50–60; *Worster D. Under Western Skies: Nature and History in the American West*. New York: Oxford University Press, 1992. P. 3–33 *passim*. Исследование Ламара и Томсона представляет собой классическую работу, раскрывающую понятия «открытие» и «закрытие» фронтиров. См.: *The Frontier in History: North America*

акцент данного исследования, стремящегося включить в анализ межкультурные перспективы и интерпретации развития периферии, смещен в сторону концепта пограничья. Пограничья здесь рассматриваются как перекрестки, на которых наиболее явным оказывается взаимодействие между местным населением и государством. Именно в пограничье, где власть соперничающих империй или национальных государств еще фрагментирована, а механизмы контроля еще слабы, местные общества способны оспаривать, разрушать и преодолевать гегемонию. Это несоответствие между намерениями политических центров и реальной жизнью периферии влияло на постепенную эволюцию современных государственных границ со всей их удивительно устойчивой неопределенностью и непредсказуемостью¹.

Фронтир (*frontier*) в этой книге определяется как отдаленная, малонаселенная и нечетко определенная территория, располагающаяся за пределами периферии двух или более ключевых политических сил. Метрополии со временем культурно, экономически и политически проникают в эти промежуточные зоны

and Southern Africa Compared / Ed. H. Lamar, L. Thompson. New Haven, CT: Yale University Press, 1981. P. 23–26, 35–39. Тезис о фронтах Тёрнера в значительной степени повлиял на ранние исследования истории Внутренней и Северо-Восточной Азии, в первую очередь на труды Оуэна Латтимора: *Lattimore O. Studies in Frontier History: Collected Papers 1928–1958*. Paris: Mouton, 1962. P. 134–159, 165–179, 469–491. Однако в его понимании фронтир больше походит на зону, а не линию.

¹ См.: *Adelman J., Aron S. From Borderlands to Borders: Empires, Nation-States, and the Peoples in between in North American History // American Historical Review*. 1999. Vol. 104. № 3. P. 815–816; *Baud M., Schendel W. van. Toward a Comparative History of Borderlands // Journal of World History*. 1997. Vol. 8. № 2. P. 211–242; *Hämäläinen P., Truett S. On Borderlands // Journal of American History*. 2011. Vol. 98. № 2. P. 338–361. Эта тенденция наблюдается в появляющихся исследованиях пограничья, в которых окраины Китая рассматриваются с акцентом на человеческий фактор (например: *Giersch C. P. Asian Borderlands: The Transformation of Qing China's Yunnan Frontier*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006; *Shao D. Remote Homeland, Recovered Borderland: Manchus, Manchoukuo, and Manchuria, 1907–1985*. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2011; *Song N. Making Borders in Modern East Asia: The Tumen River Demarcation, 1881–1919*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018) и России (например: *Adelsgruber P., Cohen L., Kuzmany B. Getrennt und doch verbunden: Grenzstädte zwischen Österreich und Russland, 1772–1918*. Vienna: Böhlau, 2011; *Boeck B. J. Imperial Boundaries: Cossack Communities and Empire-Building in the Age of Peter the Great*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009).

контакта. Этот процесс происходит под воздействием соперничающих имперских сил и местных жителей, поэтому характеризуется постоянным оспариванием и компромиссами. Фронтир становится пограничьем в результате продолжительных изменений характера централизирующей политики, когда он оказывается включен в расширяющееся ядро одного или нескольких национальных государств или империй. Таким образом, пограничье (*borderland*) обозначает территориальную единицу, возникшую из фронта на периферии государства в процессе конкуренции империй или национальных государств и создания жесткой, четко определенной линейной границы посредством навязанных государством изменений в экономической, политической, военной, этнической, социальной и культурной среде. Часто эти изменения сопровождаются насилием, вынужденным перемещением населения и подчинением сопротивляющихся. В то время как пограничье описывает более обширную местность, определенную внутренними и внешними пределами, в которой межгосударственная граница непосредственно формирует социальные и экономические сети, действует определенный свод законов, а доступ обычных людей на эту территорию ограничен государственной политикой, термин «приграничье» относится к участку, непосредственно проходящему вдоль государственной границы. «Граница» — это линия на карте, демаркационный камень, забор или караульный пост, который определяет территориальные пределы государственного суверенитета¹. Однако необходимо подчеркнуть, что любое догматичное следование определениям сильно упрощает историю границы. Приверженность жесткой терминологии не позволяет объяснить сложную природу пограничья, в котором продолжают существовать некоторые укорененные на местности и гибкие характеристики фронта.

Россия и Китай, в отличие от островной Британии, империя которой располагалась за морем, были континентальными империями². Совместно к концу XVIII века они разделили

¹ *Prescott J. R. V. Political Frontiers and Boundaries. London: Allen & Unwin, 1987. P. 1–14 passim, особенно p. 12–14.*

² Это различие было впервые замечено историком Джеффри Хоскингом, см.: *Hosking G. The Freudian Frontier // Times Literary Supplement. 1995. 10 March. P. 27.*

Внутреннюю Азию: Маньчжурию, Монголию и Синьцзян на отдельные сферы интересов. Несмотря на различия в социальной и экономической структуре, обе силы осуществляли сходную имперскую политику на общем фронтире — как континентальные империи они покоряли свои окраины¹. Чтобы включить эти территории, названные Оуэном Латтимором оборонительными «фронтирами, обращенными вовнутрь», во все более мультикультурные системы управления, обе имперские силы полагались на сотрудничество местных элит, в первую очередь посредством сохранения за ними некоторых привилегий².

В XIX веке мир стал свидетелем становления современных национальных государств³. Прочерчивание конкретных государственных границ для определения и защиты национальной

¹ Основные характеристики Китайской и Российской империй, а также территориальная экспансия, проводимая ими, исследуются в работе Джейн Бурбанк и Фредерика Купера. См.: *Burbank J., Cooper F. Empires in World History: Power and the Politics of Difference*. Princeton: Princeton University Press, 2010. P. 185–218. И Альфреда Рибера, см.: *Rieber A. J. The Struggle for the Eurasian Borderlands: From the Rise of Early Modern Empires to the End of the First World War*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 31–41, 49–58, 415–423. Другие значимые исторические исследования империй: *Kappeler A. Rußland als Vielvölkerreich: Entstehung — Geschichte — Zerfall*. Munich: C. H. Beck, 1992; *Hosking G. A. Russia and the Russians: A History*. Cambridge, MA: Belknap, 2001; *Lieven D. Empire: The Russian Empire and Its Rivals from the Sixteenth century to the Present*. London: John Murray, 2000; *Sunderland W. Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2004. Комплексный анализ Китайской империи осуществлен в следующих работах: *Crossley P. K. The Manchus*. Cambridge, MA: Blackwell, 1997; *Elliott M. C. The Manchu Way: The Eight Banners and Ethnic Identity in Late Imperial China*. Stanford: Stanford University Press, 2001; *Perdue P. C. China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia*. Cambridge, MA: Belknap, 2005.

² *Lattimore O. Manchuria: Cradle of Conflict*. New York: Macmillan, 1932, особенно p. 77–78, 99.

³ См. также классические работы: *Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso, 1983 [пер.: *Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма*. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001]; *The Invention of Tradition / Ed. E. Hobsbawm, T. Ranger*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983, в частности введение Хобсбаума: p. 1–14; *Sahlins P. Boundaries: The Making of France and Spain in the Pyrenees*. Berkeley: University of California Press, 1989. Об усилении пограничного контроля и внедрении документации для идентификации личности см.: *McKeown A. M. Melancholy Order: Asian Migration and the Globalization of Borders*. New York: Columbia University Press, 2008.

территории как «пространства решений» было важнейшим компонентом этого процесса. Возможно, в наиболее крайней форме территориальная ортодоксальность воплотилась в фашистских и коммунистических режимах XX века. Четкая территориальная принадлежность и уникальные социальные образования начали терять силу только с концом дуполярного мира, становлением глобального капитализма, ростом значения наднациональных структур и возрождением регионализма¹.

Глобальная тенденция нацистроительства не обошла стороной империи Цин (1644–1912) и Романовых (1613–1917). Несмотря на то что многие их окраины были в основном населены коренными народами: скотоводами, охотниками и рыболовами, на территориальные границы этих империй тем не менее влияла идея гомогенной власти, нетерпимой к конкурирующим силам, альтернативным значениям и неконтролируемым перемещениям². Желание устранить неопределенность периферии пережило эти режимы и усилилось, когда их преемники (СССР, Маньчжоу-го и КНР) ввели еще более радикальные формы территориализации, которые существенно изменили социальную динамику в пограничьях. Действия коммунистических властей Москвы и Пекина по реализации режимов закрытой границы не были уникальными, однако отличались большей решительностью. В результате этого всего лишь за несколько десятилетий сложная смесь геостратегических устремлений, конкурирующих идеологий и радикальных планов по изменению жизни каждого человека, проживавшего в оспариваемом регионе, привели к резкой трансформации премодерного межимперского евразийского фронта в пограничье между двумя

¹ *Maier Ch. S. Once within Borders: Territories of Power, Wealth, and Belonging since 1500. Cambridge, MA: Belknap, 2016. P. 1–6; см. также: Sassen S. Territory, Authority, Rights: From Medieval to Global Assemblages. Princeton: Princeton University Press, 2006.*

² Недавние исследования показывают, что дихотомия «нация — империя» слабо применима к мультиэтническому характеру Российской и Китайской империй. Такие империи не обязательно обладали меньшими возможностями разрешения сложностей, вызванных региональным разнообразием, чем этнически и культурно более гомогенные национальные государства. См.: *Burbank J., Cooper F. Empires in World History. P. 251–459 passim; Rieber A. J. The Struggle for the Eurasian Borderlands.*

централизованными режимами, владеющими четко определенными пространствами¹.

Границы, обеспечивая целостность, безопасность, контроль населения и внутренней экономики, сыграли в ходе этого процесса важнейшую государствообразующую роль. Они способствовали формированию различных национальных идентичностей одних и тех же этнолингвистических групп и, как высоко политизированные символы, стали площадками социальных изменений. Историк Питер Салинс, например, продемонстрировал, как локализм сформировал национальные идентичности на франко-испанской границе на Пиренеях, однако во Внутренней Азии процессы локальной кооптации и компромисса наблюдались в значительно меньшей степени². Когда пограничье как отдельная административная единица оказалось включенным в периферию постреволюционного государства — наследника прежней мультикультурной империи, оно постепенно перестало быть гибридным местом сосуществования империй и негосударственного мира местного населения.

Такая реорганизация социального, экономического, политического и культурного пространства через трансляцию централизованной государственной власти на приграничную территорию не прекратила конфликты по поводу политической или культурной принадлежности среди местного населения. В условиях межгосударственного соперничества противоборства продолжились как в метрополиях, так и среди жителей пограничья, сопротивлявшихся ассимиляции и перевоспитанию и стремящихся сохранить независимость или хотя бы автономность и мобильный образ жизни³.

¹ *Rieber A. J. Stalin and the Struggle for Supremacy in Eurasia. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 129–139.* О межвоенном периоде: *Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001. P. 311–343 passim* [пер.: *Мартин Т. Империя «положительной деятельности».* Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011].

² См.: *Sahlins P. Boundaries. P. 7–9.*

³ Мобильность в этом контексте часто ошибочно рассматривается как склонность местных жителей оспаривать границы, как будто границы возникли сначала, а затем мобильность. Но, как мы знаем, дело было в точности наоборот: *Ludden D. Presidential Address: Maps in the Minds and the Mobility of Asia // Journal of Asian Studies. 2003. Vol. 62. № 4. P. 1061–1065.*

Отношения между ядром и периферией, таким образом, оставались динамичными и изменчивыми, отличаясь колебаниями в обоих направлениях, что поднимает вопросы о роли населения глубокой периферии государства. Как долго социальные акторы, находившиеся вне принимающих решения элит, влияли на управление границей? Каким образом они поддерживали или сопротивлялись политике формирования границы, осуществляемой государством? Описав долгую историю китайско-российской границы через региональную перспективу, эта книга проливает свет на сложные отношения людей и государств. Она показывает, что роль, которую играло местное население в истории территориализации государства, гораздо более значима, чем принято было считать ранее.

Во-первых, такая масштабная историческая работа позволяет раскрыть зональные и линейные определения границ. Концепция границ для разных поколений государственных агентов метрополий и различных групп жителей пограничья менялась с течением времени. Традиционное фронтирное общество не было разделено государственными границами, оно поддерживало родственные, экономические, языковые и религиозные связи, которые обладали самобытностью и простирались за их пределы. Во многих случаях внутренние границы между знаменами или родами соблюдались более четко, чем проницаемая международная граница. Но более поздние поколения приграничных жителей, которые уже не могли пересекать закрытую международную границу, потерявшие интерес к соседям и не обладавшие языковыми навыками для общения с ними, часто косвенным образом поддерживали претензии на национально-территориальный суверенитет, что значительно отличает их от более ранних поколений.

Во-вторых, это исследование показывает, что формальное управление, осуществляемое централизующей властью, не обязательно приводит к территориальному контролю над пограничьем и его населением. Из-за проницаемости обширной континентальной границы, нехватки ресурсов, противоречивости намерений соседних режимов и отсутствия современной инфраструктуры, способной связать периферийные территории с имперскими столицами, централизующие власти, даже когда неприятие любых локальных межграницных обменов возросло,

часто были неспособны уследить за общими внешними границами. Эта неспособность коренилась в традиционных практиках и изменчивых формах взаимодействия между различными группами пограничья. Даже те, кто изначально был отправлен государством в эту местность для осуществления охранительных функций, не всегда следовали государственным протоколам.

В-третьих, эта работа раскрывает обстоятельства, при которых старые фронтиры сосуществуют с современными государственными границами. Построив железную дорогу, метрополии определили способ пересечения границы через узкий коридор, что побудило новые процессы создания границы. Современные средства государственного контроля, однако, не были введены одновременно на всей государственной границе. А там, где они были введены, они не обслуживали государство всецело. Более того, достаточно часто они использовались для противодействия намерениям центральной власти, так как создали новые зоны контакта между местным и глобальным мирами и сформировали самобытную социальную ткань. Одновременно с этим осуществлялось строительство новой формы границы.

В-четвертых, такой подход демонстрирует условия, способствующие усилению контроля над границей. Особенно во время военной конфронтации и внутренних конфликтов метрополии выделяли значительные ресурсы для более эффективного контроля государственной границы, вводили новые режимы ее содержания, изолируя пограничье от внутреннего и внешнего окружения, и постепенно заменяли ненадежных людей лояльными гражданами. Взаимодействие между центральной властью и ее посредниками, с одной стороны, и частично замененным населением пограничья, с другой, не только увеличило легитимность последовательно ограничиваемого пространства, но и послужило сплочению подданных и правителей.

В завершение отметим, что исследовать то, как открытые границы закрываются, а закрытые границы открываются, очень поучительно. Границы дружбы между государствами-союзниками официально изображались открытыми для всех, однако для большинства местных жителей они оставались непроходимыми. Охраняемая граница конфликта, наоборот, оставалась преодолимой для избранных. Такое несоответствие риторики

и реальности демонстрирует усиление и ослабление власти метрополии над периферией.

Эти пять противоречивых, но взаимодополняющих тем обсуждаются в этой книге. Они позволяют направить внимание на отдельные, но взаимосвязанные способы постепенного смещения и переноса границ.

АРГУНСКИЙ БАССЕЙН

С самого начала заселения людьми евразийской степи географические условия Внутренней Азии редко благоприятствовали оседлому образу жизни. Экстремальный континентальный климат, сложная топография и непреодолимые расстояния между Японским морем на востоке, Алтайскими горами и Тянь-Шанем на западе пугали оседлые цивилизации Азии и Европы. Внутренняя Азия больше запомнилась кочевыми завоевателями, самым знаменитым из которых был Чингисхан, великий монгольский правитель, создавший в XIII веке самую крупную континентальную империю в истории.

Некоторые сохранившиеся следы существования границ в ранних культурах напоминают нам о том, что демаркация и защита территории в этом регионе не являются российским или китайским изобретением. Так называемый Вал Чингисхана — историческое укрепление, простирающееся примерно на пятьсот километров от современной восточной Монголии в Китай и Россию, все еще заметен на аэроснимках. Его название вводит в заблуждение, не Чингисхан, а чжурчжэньские правители династии Цзинь (1115–1234) воздвигли его в неудачной попытке защититься от монгольских и тюркских племен. Выровненный веками эрозии вал в некоторых местах можно определить и с земли, например на южной окраине Забайкальска — небольшого поселения на российско-китайской границе всего в нескольких шагах от проржавевшего пограничного ограждения¹.

¹ См. также: *Billé F. On Ideas of the Border in the Russian and Chinese Social Imaginaries // Frontier Encounters: Knowledge and Practice at the Russian, Chinese and Mongolian Border / Ed. F. Billé, G. Delaplace, C. Humphrey. Cambridge: Open Book, 2012. P. 28; Wines M. Behold! The Lost Great Wall // New York Times. 2001. 21 Sept. P. A4.*

Первоначально московские правители и правители династии Мин не стремились колонизировать эту необъятную территорию или создать там новые пограничные укрепления. Поэтому прошло еще около четырехсот лет до того момента, как в XII веке Внутренняя Азия стала зоной непосредственного контакта между русскими и китайцами, а правители этих держав постепенно начали консолидировать свои границы. В середине XIX века эта граница стала наиболее протяженной из известных человечеству международных сухопутных границ. Она простиралась примерно на 12 000 километров от горных хребтов Центральной Азии через степи Внутренней Азии и вдоль извилистых речных долин к Японскому морю. Сегодня, вслед за обретением независимости Монголией и распадом Советского Союза, Китай и Россия все еще имеют общую границу, длина которой составляет примерно 4200 километров вдоль рек Аргуни, Амура и Уссури плюс 55 километров небольшой полоски земли в горах Алтая. Сейчас это шестая по протяженности международная граница в мире¹.

Российско-китайский фронтier оставался малонаселенным вплоть до XX века. В настоящее время китайцы (ханьцы) и этнические русские составляют подавляющее большинство населения вдоль трех крупных пограничных рек, однако эти земли являются родиной и некоторых самобытных коренных народов. Безусловно, к самым крупным этническим меньшинствам относятся корейцы-земледельцы, буряты, а также другие монгологоворящие народы, промышленные скотоводством². Племена,

¹ До распада Советского Союза эта граница была еще более протяженной и состояла из трех крупных участков, а не из одного. Помимо восточного участка, монгольская граница составляла второй участок границы. Внешняя Монголия как автономная единица Китая вплоть до падения династии Цин в 1911 году была включена в него, а северные ее пределы маркировали границу между цинской и романовской империями. Когда в 1924 году была образована Монгольская Народная Республика, ставшая первым государством-сателлитом Советского Союза, эта территория оказалась под контролем Москвы. Граница коммунистической Монголии и Китая более полувека представляла собой внешний рубеж советской власти. Третья и самая западная часть, включавшая китайскую северо-западную горную границу с Россией, стала впоследствии советской Центральной Азией (сегодня Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан).

² О беспрецедентном передвижении корейцев через Китай и Россию на протяжении позднего XIX и раннего XX века см.: Park A. *Sovereignty Experiments: Korean Migrants and the Building of Borders in Northeast Asia, 1860–1945*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2019.

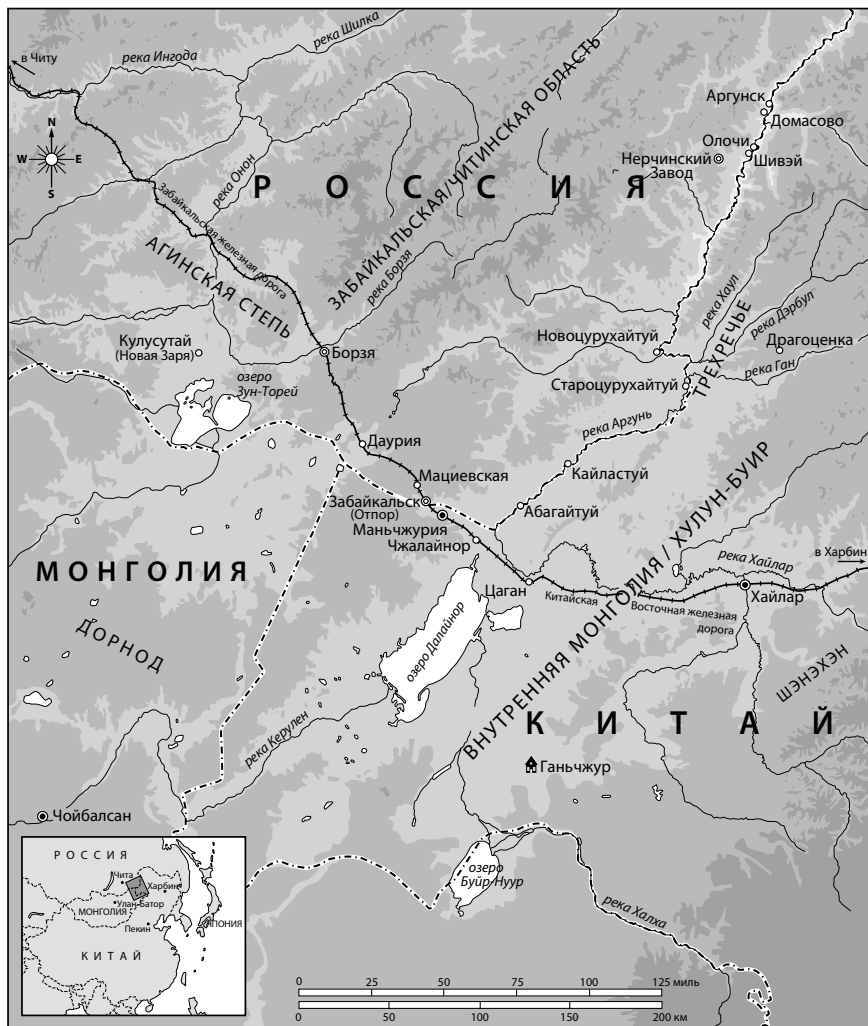
говорящие на тунгусских языках, занимающиеся охотой, рыболовством и собирательством, более малочисленны.

Как и автохтонные народы русско-цинского фронта, русские и китайцы (ханьцы), проживавшие в районах, примыкающих к Уссури, Амуру и Аргуни, не были культурно и этнически гомогенными. Первые крестьяне-переселенцы и казаки прибыли на территории между озером Байкал и рекой Аргунь в начале XII века. Казаки-коневоды, фермеры и солдаты поселились на отдельных участках внешних рубежей этого фронта с китайской империей. Для выживания эти женщины и мужчины приспособились к местным условиям и обычаям. Со временем они перемешались с коренными жителями региона. Только староверы, отвергшие реформу Русской православной церкви патриарха Никона и насильственно переселенные в этот регион в XIII веке, вели практически изолированный образ жизни. Намного превосходящие численностью потоки мигрантов из европейской России направились на российские территории, примыкающие к Китаю, на рубеже XX века в результате аграрной реформы и строительства Транссибирской железной дороги. Эти новые поселенцы соперничали со старожилами за лучшие пастбища¹. Новые добровольные и вынужденные миграционные волны возникали в советское время, пополняя ряды горожан, горняков и лесорубов, колхозников, военнослужащих и железнодорожников. Эти различные группы русских — россияне — сообщество, построенное на общности языка.

Китайская миграция на российско-китайский фронт усилилась в конце XIX века, когда были сняты ограничения на миграцию ханьцев в Маньчжурию². Сезонные работники, беженцы,

¹ О динамике заселения Сибири выходцами из европейской России до 1917 года см.: *Coquin F.-X. La Sibérie: Peuplement et immigration paysanne au XIXe siècle.* Paris: Institut d'études slaves, 1969; *Treadgold D. W. The Great Siberian Migration: Government and Peasant in Resettlement from Emancipation to the First World War.* Princeton: Princeton University Press, 1957.

² Топоним «Маньчжурия» был известен китайцам и маньчжурам прошлого, однако сегодня для китайского уха он звучит неточно и даже оскорбительно, так как ассоциируется с империалистическим вторжением России и Японии. Сейчас этот регион политически и географически обозначается как Северо-Восточный Китай (или Дунбэй), он включает в себя три провинции: Хэйлуньцзян, Цилинь и Ляонин: *Elliott M. C. The Limits of Tartary: Manchuria in*

Карта 2. Сводная карта Аргунского пограничья, на которой указаны наиболее значимые населенные пункты с XIII века до настоящего времени (Cox Cartographic Ltd)

бедные фермеры и другие поселенцы, намеревавшиеся поселиться здесь постоянно, заполнили тогда китайский Северо-Восток. Иммиграция из провинций южнее Великой китайской стены усилилась с развитием современного и надежного транспорта в начале XX века. Во второй половине этого века движение людей в китайский северный фронтир стало результатом стратегических, экономических и политических решений, сформированных в Пекине и принятых для подтверждения власти над территорией, реализации интересов национальной безопасности и ассимиляции национальных меньшинств. Сегодня численность китайцев (ханьцев) в приграничных районах Китая значительно превосходит численность этнических русских на противоположных берегах Аргуни, Амура и Уссури¹.

Расположенная в самом сердце обширного фронта Внутренней Азии река Аргунь маркирует 944 километра границы между Россией и Китаем. Эта территория является самым старым пограничным участком между двумя державами, пережившим все изменения. Более того, эта территория представляет собой два разных вида границ. Река пересекает местность, где сельские русские, китайские и автохтонные миры замысловато переплелись. Всего в нескольких минутах езды, однако, располагается железнодорожный город, который представляет собой совершенно иную социальную ткань, а вместе с тем и новую форму границы. Все эти разные сферы, географически сведенные к Аргунскому бассейну, наделяют его уникальными качествами, которые позволяют рассмотреть историю российско-китайского фронта и пограничья².

Imperial and National Geographies // Journal of Asian Studies. 2000. Vol. 59. № 3. P. 604–607; *Janhunene J.* Manchuria: An Ethnic History. Helsinki: Finno-Ugrian Society, 1996. P. 8–11. Для простоты я использую оба обозначения: Маньчжурия и Северо-Восток.

¹ Массовая миграция ханьцев из внутреннего Китая в Маньчжурию описана в: *Gottschang T.R., Lary D.* Swallows and Settlers: The Great Migration from North China to Manchuria. Ann Arbor: University of Michigan, Center for Chinese Studies, 2000; *Reardon-Anderson J.* Reluctant Pioneers: China's Expansion Northward, 1644–1937. Stanford: Stanford University Press, 2005.

² Ранние разграничительные соглашения: Нерчинский мирный договор 1689 года и более детальный договор, составленный в Кяхте в 1727 году, позволили обеим империям достигнуть баланса в региональной военной силе

Территория, на которой мы сосредоточим внимание, расположена в сегодняшнем российско-китайско-монгольском пограничном треугольнике в верховьях реки. С севера и востока она ограничена горным хребтом Большой Хинган, а с юга и запада — пустыней Гоби. Территория охватом около семидесяти тысяч квадратных километров соразмерна по масштабам с современной Грузией. Окраины этого региона примерно соответствуют внешним пределам свободной торговой зоны, установленной в 1862 году, и отдельной административной структуре пограничных районов, которые начали создаваться с конца 1920-х годов. Другими словами, окраины этого региона могут быть описаны так: немного пологая равнина Агинской степи, где река Борзя впадает в Онон и обозначает его западные пределы. Казацкая станица Олочи на среднем течении Аргуни отмечает его северный край. Предгорья лесных склонов Большого Хингана, отделяющие плоскогорье Хулун-Буира от Маньчжурской равнины, маркируют его восточные пределы. Река Хайлар — приток Аргуни, которую иногда считают верховьем реки Аргуни, и мелководное озеро Далайнор отмечают ее южную окраину.

Аргунь состоит из нескольких извилистых русел, протекающих через болота в широкой долине, которая и дала реке название¹. Часто разделяясь на два или больше отдельных рукава, река до слияния с Амуром протекает на север и северо-восток достаточно спокойно. Благодаря извилистости она зачастую трижды проходит свою линейную протяженность. Основное течение реки часто менялось в прошлом, что провоцировало конфликты за обладание сотней островов, некоторые из которых представляли собой лишь песчаные косы, тогда как другие

и разграничить сферы интересов. Разделительная линия между государствами сместилась на протяжении последующих веков лишь незначительно, однако до недавних пор она не считалась полностью установленной. Последние разногласия между Москвой и Пекином по вопросу прав на некоторые острова были разрешены только в постсоветский период: *Iwashita A. A 4,000 Kilometer Journey along the Sino-Russian Border*. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2004. P. 160–164 [пер.: *Ивасита А. 4000 километров проблем. Российско-китайская граница / Пер. с яп. М. Я. Горфункель. М.: АСТ: Восток — Запад, 2006*].

¹ Название на монгольском произносится как «эргунэ», что означает «широкий».

были крупными нетронутыми пастбищами. В верховье Аргунь блуждает по слегка холмистой и заросшей травой степи, которая соединяется с монгольскими равнинами. Северный таежный лесной пояс покрывает берега реки на среднем течении и в ее низовьях. Сегодня российская территория на левом берегу реки относится к Забайкальскому краю¹. Китайский правый берег является частью Хулун-Буира² — северо-восточной оконечности Внутренней Монголии — автономного района Китая. Хулун-Буир получил название от двух озер, расположенных на юге этого района (Хулун-Нур и Буйр-Нуур). Русские называют этот район «Барга» — термин, пришедший от старо-монгольского племенного названия³.

Возможно, экстремальный континентальный климат сыграл более значимую роль в формировании этого фронтального региона, чем влияние колонистов, военных и железнодорожников. Климат здесь меняется с влажных таежных лесов на севере к полузасушливой степи на юге. Погодные условия суровы везде — экстремальный холод, но ясная и безветренная зима,

¹ Забайкалье — территория на востоке от озера Байкал, является частью восточной Сибири, тогда как российский Дальний Восток используется для обозначения всей территории к востоку от Забайкалья и охватывает Амур и Приморский край, а также Камчатку и остров Сахалин. До 1884 года Забайкалье было частью Восточно-Сибирского генерал-губернаторства. В период между 1884 и 1906 годами этот регион входил в состав Приамурского генерал-губернаторства, а затем был включен в Иркутское генерал-губернаторство. В советский период Забайкалье было разделено на западную и восточную половины. Его восточная часть, Читинская область, была образована в 1934 году. В 2008 году Читинская область была преобразована в Забайкальский край.

² Традиционно Хулун-Буир принадлежал Монголии. В периоды позднего правления Цин и республиканского Китая этот регион был частью провинций Хэйлуцзян и Синьань. После коммунистической революции в 1949 году Хулун-Буир был включен в только созданный автономный район Внутренняя Монголия, которому он и принадлежал с тех пор (за исключением периода с 1969 до 1979 год, когда он вновь оказался включен в провинцию Хэйлуцзян).

³ Монголы называли представителей кочевых народов этого региона «баргутами» (что означает «непросвещенные» или «темные»), так как те долгое время держались за свои древние шаманские обряды и оказались в числе последних, принявших ламаистский буддизм групп. См.: *Lattimore O. The Mongols of Manchuria: Their Tribal Divisions, Geographical Distribution, Historical Relations with Manchus and Chinese, and Present Political Problems. New York: Howard Fertig, 1969. P. 156; Lindgren E. J. North-Western Manchuria and the Reindeer-Tungus // Geographical Journal. 1930. Vol. 75. № 6. P. 521.*

и короткое, но жаркое лето. Температура в январе может достигать 50 градусов ниже нуля. Реки и озера обычно замерзают в конце октября и оттаивают в мае. В июле температура повышается до 35 градусов, хотя часто она бывает и выше. Обильные летние дожди регулярно затопляют Аргунь и ее притоки.

Регион характеризует значительное разнообразие экосистем. Реки и озера изобилуют осетровыми, ленками, амурским хариусом, щуками и сомами, однако каменистые и неплодородные почвы пойм, заболоченных земель, степей и гор слабо подходят для сельского хозяйства. Широкие долины треугольника Трехречья на китайском берегу Аргуни, сформированные реками Дэрбул, Гэньхэ и Хаул, являются наиболее плодородными территориями в регионе. Однако даже здесь вспахивание и уборка урожая возможны только в течение короткого четырех-пятимесячного периода. Степи умеренного климата населены монгольскими дзеренами, косулями, красными лисами, волками и тарбаганами. Луга используются для заготовки сена и в качестве пастбищ. Холмистые предгорья, плавно поднимающиеся над берегами реки, часто бесплодны, но склоны Большого Хингана на востоке заросли густым лесом лиственниц, берез и сосен. Горы, высота которых достигает от тысячи до полутора тысяч метров, населены пушным зверем, например северным оленем, соболями и белками.

Климат и топография усложняли наземные перемещения и коммуникацию между немногочисленными коренными народами и первыми русскими и китайскими поселенцами. Реки чаще использовались в качестве способа перемещения, так как сложно проходимые дороги и тропы были открыты только во время холодных и сухих сезонов. Люди, скот и грузы переплавались на баржах, байдарках и плотках. Когда же зима превращала Аргунь в замерзшую дорогу для саней и телег, запряженных лошадьми, разбросанные сторожевые заставы оказывались легко досягаемы, что противоречит геодетерминистской идее о реке как естественной границе.

До конца XIX века на этой обширной и малонаселенной территории на Аргуни не существовало никаких значимых населенных пунктов. Единственным городом в округе был Хайлар, основанный как гарнизонный форпост маньчжурских знаменитых

войск в XIII веке. Возникшее примерно в это же время село Абагайтуй было одним из немногих казацких поселений, отметивших принадлежность этого берега Аргуни России. Строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) в 1903 году, ставшей последним отрезком Транссибирской железной дороги, соединившим Читу и Владивосток через Маньчжурию, привело к созданию новых поселений, и в качестве основного канала коммуникации железная дорога заменила реку. Поселение Маньчжурия (Маньчжоули), которое находится в самом центре изучаемого региона, оказалось наиболее важным населенным пунктом, возникшим благодаря строительству КВЖД. Железная дорога изменила фронтир, из труднодоступной земли он превратился в центр межграничного экономического обмена, а поселок Маньчжурия стал важнейшим экономическим центром российско-китайской торговли. Железнодорожный разъезд 86, расположенный сразу за международной границей на российской территории, превратился в небольшую приграничную станцию под названием Отпор, который в дальнейшем, став поселком городского типа в 1950-х годах, был переименован в Забайкальск.

Эти шумные, связанные железной дорогой города, юрты, усеивавшие степь, и сонные деревни, расположенные вдоль речных берегов, являются прекрасной площадкой для изучения различных видов границ и явлений, возникающих в процессе их формирования и нарушения в многочисленных зонах нарастания и убывания контактов между разными группами жителей приграничья. Аргунское пограничье было (и остается) пространством, в котором возможно множество различных видов взаимодействия между русскими, китайцами и коренным населением, иногда эти контакты подстегивались государствами, а в других случаях географическим положением. Пышные луга, искрящиеся реки и лесные холмы на Аргуни пересекались людьми пешком, или на запряженных животными телегах, или на баржах и поездах, а люди перемещали вместе с собой различные предметы и идеи. Некоторые попадали в эти места, потому что хотели перебраться из Китая в Россию или наоборот. Другие жили у Аргуни, потому что хотели торговать, или нуждались в доступе к пастбищам для выпаса скота, или промышляли

рыболовством. Это было сложное место взаимодействия, над которым государства стремились установить контроль, в конце концов ограничив такие перемещения.

Выход за пределы большой политики, сформировавшей эту границу, и концентрирование внимания на повседневной жизни местного населения, практиках пограничья и соприкосновения местных сообществ с большим миром — сложная задача. Кочевники с их мобильным образом жизни и контрабандисты с их секретными торговыми сетями зачастую были неграмотны или не видели необходимости в создании автобиографических документов. То же самое можно сказать о проводниках поездов и пограничниках. Эти ограничения должны учитываться при реализации проекта описания повседневных взаимодействий в отдаленных зонах контакта. Описание этой границы из-за различий в архивных культурах оказалось даже сложнее, чем проникновение в разные сферы жизни местного населения. Граница и вопросы национальных меньшинств в Китае остаются непростыми темами для национальной историографии и исторической политики. Многие коллекции первоисточников по истории этого региона в интересующий нас период неполны или недоступны в настоящее время. Смещение в сторону российских архивных источников в этом исследовании было преодолено благодаря двум обстоятельствам: архивные записи об общей государственной границе составлялись как минимум двумя странами, и, к счастью, некоторые китайские документы оказались в зарубежных архивах¹. Кроме того, газеты, отчеты об этнографических исследованиях, краеведческие справочники и полевые записи путешественников, найденные в библиотеках и частных коллекциях, предлагают восходящую перспективу, позволяющую включить жителей пограничья в изучение вопроса. Устная история также стала ценным источником информации. Интервьюируемые, рассказы которых включены в эту книгу, местные жители обеих сторон границы, работали железнодорожниками, чиновниками, фермерами и учителями. Их обычные профессии и другие аспекты их жизни оказались

¹ Urbansky S. Diplomacy of Shunters: The Sino-Soviet Split Seen from a Provincial Archive in Russia // PRC History Review. 2017. Vol. 2. № 3. P. 16–18.

незаменимы в попытке углубить наши знания о повседневных социальных практиках, характеризующих Аргунский бассейн.

Несколько слов о структуре этой книги: главы последовательно разворачиваются от XVII века до конца XX, однако предпочтение отдается не жесткой хронологии, а тематической согласованности. В первой главе описывается взаимодействие людей во фронтире, начиная с первых прямых, но случайных контактов между русскими и китайцами, которые произошли в XVII веке, когда обе империи впервые попытались демаркировать общую границу, и до конца XIX века, когда железная дорога и другие элементы современности начали менять жизнь на Аргуни, учащая и регулируя межграницные контакты. Во второй главе рассматриваются введение на рубеже XX века более систематической политики управления межнациональной границей, которая пришла на смену политике невмешательства. Здесь рассматривается то, как разногласия по вопросам территориальных границ оказались включены в национальную риторику и процесс реорганизации таможенных и санитарных систем в ходе общего движения к формированию территориальной границы. Фокусируясь на социальной и этнической истории станции Маньчжурия и территорий вокруг, в третьей главе я анализирую эффекты революций и сепаратистские движения коренных народов, возникшие вслед за распадом имперской власти в Китае в 1911 году и в России в 1917 году. Четвертая глава описывает коллективизацию и другие радикальные раннесоветские программы укрощения населения, которые скорее запретили, а не отрегулировали межграницные контакты, а также показывает, как эти программы изменили политический, этнический, экономический и социальный ландшафт в верховьях Аргунского бассейна. Пятая глава исследует последствия российско-китайского конфликта 1929 года и оккупацию Японией Маньчжурии в 1931 году. Эти события повлияли на аргунское пограничье, заставив режимы усилить свое присутствие на периферии. Глава шестая концентрируется на периоде между концом 1940-х годов и началом 1960-х. Несмотря на набравшую обороты риторику дружбы и сотрудничества, межграницные отношения здесь больше не возникали неформально, а всецело контролировались из Москвы и Пекина. Российско-китайский раскол в 1960–1970-х годах

обсуждается в седьмой главе. Этот конфликт оказал существенное влияние на ситуацию вдоль границы и имел серьезные последствия для экономики и демографии аргунского пограничья. Поезда, циркулирующие между Пекином и Москвой, больше не были заполнены советскими или китайскими гражданами — они перевозили пассажиров из Северной Кореи и Вьетнама, а пропагандистские кампании вновь обратились к старым мотивам саботажа, шпионажа и дезинформации, наполняя границы новой легитимностью пространства вражды. Глава восьмая прослеживает изменения, произошедшие в 1980-х годах. Здесь рассматривается то, как граница между двумя коммунистическими государствами вновь стала проницаемой в результате решений центральной власти и действий местного населения.